

ПУБЛИЙ НАЗОН
ОВИДИЙ

ГЕРОНИИ
ОВИДИЯ

Книга «Героини Овидия» принадлежит перу выдающегося древнеримского поэта Публия Овидия Назона (лат. *Publius Ovidius Naso*, 43 г. до н. э. — 18 г. н. э.).

Это письма мифологических героинь Брисеиды, Пенелопы, Ариадны и Федры, а также многих других к своим неверным возлюбленным.

Известность поэту принесли его произведения «Лирические элегии», «Метаморфозы», «Скорби Овидия», «Наука любви», «Фасты», «Лекарство от любви», «Ибис» и «Понтийские письма».

Публий Овидий Назон, как один из самых образованных людей своего времени, снискал славу преданного друга Горация, а также оказал значительное влияние на позднюю европейскую литературу.

Публий Овидий Назон

Героини Овидия

I

Пенелопа

Это, медлитель Улисс, твоей Пенелопы
посланье.

Мне не пиши ничего: сам воротися ко мне.
Троя пала во прах, ненавистная девам
Данайским.

Стоил едва ли того с целою Троей Приам.
О, когда бы еще с судами стремившийся к
Спарте

Был обольститель объят грозною бурей вод!¹
Я б не лежала тогда, холодея, на ложе
забытом,

Не тосковала бы, как медленно тянутся дни,
И, торопясь обмануть часы бесконечные ночи,
Я не трудила бы рук над одиноким станком.
Как изводили меня небывалых опасностей
страхи,

Сколько забот и тревог в сердце влагала

¹ Этот и следующий стихи относятся к Парису.

любовь!

То представляю я, враг жестокий идет на
супруга,

То побледнею, едва Гектора мне назовут.

Скажут ли, как Антилох² от Гектора падал в
сраженье,

К новому трепету нам поводом был Антилох;

Иль как Менетия сын³ погиб под чужою
броней, —

Плакалась я, что не все козни венчает успех;

Кровью ль своей Тлеподем⁴ копье согривал у
Ликийца, —

И Тлеподема конец муку мою обновлял.

Кто бы и как бы в бою ни пал из Ахейского
войска,

Стали меча ледяней делалась робкая грудь.

Но непорочной любви благосклонствовал бог
правосудный:

² Антилох — сын Нестора

³ Сын Менетия — Патрокл, вышедший в сражение в
вооружении Ахилла.

⁴ Два Гомеровских героя носили имя Тлеподема: сын
Геркулеса, дар Родосский, и сын Дамастора, убитый
Патроклем.

Трою низвергли во прах, и невредим мой
Улисс,
Дома Аргоса вожди. Алтари дымятся святые,
К отчим возносят богам чуждой добычу
земли,
И за спасенье мужей благодарные жертвы
приносят
Жены, — а те пред семьей падшую Трою
поют.
С трепетом девушки им внимают, и старцы
дивятся,
И с повествующих уст взора не сводит жена.
Стол поставит иной и дикие битвы рисует,
Целый Пергам создает в капле вина на доске:
«Здесь бежал Симоис,⁵ вот это Сигеевы нивы,
Здесь возвышался дворец старца Приама; вот
тут
В бой наступал Эакид,⁶ отселе Улисс
устремлялся;
Здесь быстроногий коней спущенных Гектор
спугнул».

⁵ Симоис — небольшая река в Трое, впадавшая в более значительную, Скамандр. Сигей — мыс, на котором, по преданию, похоронены Ахилл и Патрокл.

⁶ Эакид — внук Эака, Ахилл.

Все это Нестор старик твоему рассказывал
сыну,

Все, воротившись с своих поисков, сын
повторил.

Он рассказал, как мечом посек ты Долона и
Реза,

Как был дремою один предан, коварством
другой.

О, как чрезмерно своих забывая, посмел ты,
безумец,

В лагерь Фракийских борцов вылазкой выйти
ночной,

Стольких зараз бойцов перебить с одним
проводжатым.

Но осторожен ли был, помнил ли раньше
меня?

Дрожь пронизала мне грудь, когда говорили,
как лагерь

Дружеский ты пролетел на Исмарийских
конях.⁷

Что же мне пользы, что вы раскидали своими
руками

Весь Илион и с землей крепкий сравняли

⁷ Исмарийские кони — кони Фракийского даря Реза, убитого в ночной вылазке Одиссеем и Диомедом; Исмар — в стране Фракийского племени Киконов.

оплот,

Если живу, как жила, когда и Троя стояла,
Если супруг для меня также потерян навек?
Скрытый для прочих Пергам одной невредим

Пенелопе, —

Пусть победитель давно пашет на пленном
быке,

Пусть и посев, где Троя была, и богатую
жатву

Тучная кровью Троян нива приносит серпам;
Плуг разбивает кривой — землей

полускрытые кости

Воинов, вьется трава выше развалин домов.

Нет, победитель, тебя; не знаю, зачем ты
замедлил,

Или где на земле скрылся, безжалостный, ты.

Кто бы чужою ладьей Итаки берегов ни
коснулся,

Много расспросов тому я про тебя задаю;

И, чтоб тебе передать, когда тебя он увидит,

В руки ему отдаю свиток посланья к тебе;

Мы посылали в Пилос, старинного Нестора
землю,

Сына Нелея, — и там шаткая только молва.

С Спартой сноси лися мы, — и Спарта не
ведает правды.

Где ты, в какой ты земле? что же ты медлишь,
Улисс?

Лучше б стояли еще сейчас Аполлоновы
стены!⁸

И на молитвы свои, бедные, гневаюсь я!
Знала бы я, где борешься ты, и войны лишь
боялась,

И разделяла б свои жалобы с множеством
жен.

Ныне, не зная, чего бояться, всего трепещу я,
И широка для моих скорбных арена забот.
Все опасности волн и все опасности суши
Кажутся мне за предлог долгих скитаний
твоих.

А покуда безумно боюсь я, по вашей
привычке,

Может быть, чуждою ты страстью пленился
давно;

Может быть, с той говоришь, как жена у тебя
простодушна,

Как постоянно она скромно за пряжей сидит.
Пусть обманусь я, — развей обвинения эти по
ветру,

Не оставайся вдали, если свободен возврат!
С вдовьего ложа сойти отец понуждает

Икарий

⁸ Аполлоновы стены — стены Трои, — «под пенье твоей дыры возникшие, Феб» (поел. XV 180).

И за отсрочки мои вечные тяжко бранит.
Пусть, как угодно, бранит, — твоя я, твоей и
останусь,

Вечно Улисса женой быть Пенелопа должна.
Так уступает любви моей и молениям

стыдливым

И укрощает свою волю Икарий старик.

Но Дулихийцы, Самосцы, высокого дети

Закинфа⁹

Алчной толпой женихов свататься ходят ко
мне,

И во дворце у тебя царят, и никто не прогонит
Хищников наших богатств, наших достатков,

Улисс.

Что же Пизандра тебе, Полиба и злого

Медонта,

Что ж Евримаховых рук, иль Антиноевых
зло,¹⁰

И других называть, которых ты всех так
позорно

Кровью питаешь своей, кормишь именем
своим».

Нищий Ир и Меланфий, стада для пиров

⁹ Дулихий, Самос, Закинф — соседние с Итакой острова.

¹⁰ Все имена женихов Пенелопы, известные из «Одиссеи».

приводящий,

О бесконечный позор! — ходят и грабят тебя.

Трое нас беззащитных, — бессильная
женщина в доме,

И престарелый Лаерт, и молодой Телемах.

Да и того у меня едва не сгубили засадой,

Как собирался он плыть к Пилосу, им

вопреки.

Но повелите, о боги, да в праведном рока
теченьи

Сын мне закроет глаза, сын же смежит их
отцу.

С нами погонщик быков, кормилица ветхая
днями,

Третий — верный пастух грязной свинятни
твоей.

Но и Лаерт, уж бессильный поднять оружие
руками,

Между бесстыдных врагов власти не в силах
сдержать.

А Телемаху придут, — лишь дожил бы! —
возраста годы;

Тут бы ему и найти помощь в отцовской руке.

Силы нет и во мне изгнать из дворца
ненавистных...

О, воротися скорей, радость ты нам и оплот!

Есть (и молюсь, чтоб и был) твой сын; от
нежного детства,

Должен его воспитать был бы разумный отец.
Вспомни Лаерта отца: чтоб сын закрыл ему
очи,
Тщится еще отдалить день свой последний
старик.
Я ж, при отъезде твоём еще молодая как дева,
Раньше, чем вспомнишь ты нас, стану
старухой седой.

II Филлида

Демофонт, что к своей хозяйке, Родопской
Филлиде,¹¹
Дольше, чем ей обещал, не возвращаешься
ты?
Только рога у луны до полного круга слилися,
Бросила якорь твоя к нашему берегу ладья.
Месяц четырежды гас, четырежды вновь
нарождался,
А на Сифонских¹² волнах нету Актейских

¹¹ Родопа — гора во Фракии, тепер. Деспоти-Даг.

¹² Сифонский — Фракийский, по Сифону, сыну Нептуна,

судов.

Если ты дни перечесть, как наша любовь их считала,
Раньше ль законного дня жалоба наша звучит?
Долго надеялась я. Едва осмеянию веры
Верится; лишь вопреки сердцу виню я тебя.
Сколько лгала я себе за тебя, примечала как часто,
Точно стремительный Нот белые нес паруса.
Как я Тезея кляла, что сына пустить он не хочет,
Но твоего корабля, может быть, он не держал.
Как я дрожала, пока ты плыл по течению
Гебра,¹³
Чтобы седая волна твой не пожрала корабль.
Часто, прося у богов, чтоб ты был здоров,
беспощадный,
Я на святых алтарях ладан с молитвою жгла;
Часто, видя, что ветер и небу приветен, и морю,
Я говорила в душе: «Если здоров, то придет».

царю Фракийского Херсонеса. — Актэ — старинное название Аттики, царем которой был отец Демофонта, Тезей (ср. стих 13).

¹³ Гебр — река во Фракии, в древности известная своей ледяной водой.

Верное сердце о всем, что спеху бывает
помехой,
Думало, сколько тому я вымышляла причин.
Но не вернулся злодей! Ни боги, которыми
клялся,
Не воротили тебя к нам, ни Филлиды любовь.
Демофоонт, ты ветрам признания предал и
парус:
Нет их назад, парусов! правды в признаниях
нет!
Чем-же грешна я, скажи? — одною любовью
безумной.
Но послужила тебе эта во благо вина.
Я злодейка в одном: тебя приютила, злодея,
Но и злодейство мое только услуга тебе.
Где же ты, верность и честь, и руки пожатье с
рукою,
Где ты, на лживых устах столько звучавший
мне бог?
Где Гименей тот, кого обещал ты на долгие
годы,
Нашего брака с тобой и поручитель, и вождь?
Морем клялся ты мне, удрученным волнами и
вихрем,
Часто где путь твой лежал, часто и будет
лежать,

Клялся и дедом¹⁴ своим, — коль только и тот
не измышлен, —
Кто усмиряет морей вихрем изрытую гладь,
Клялся Венерой и мне нанесшими тяжкие
раны
Луком — доспехом ее, факелом жаркой
любви,
И благосклонной Юноной, хранящей законное
ложе,
И богини святым таинством жгущей смолу.¹⁵
Если б из стольких богов оскорбленных
каждый задумал
Мстить за свое божество, к мести не стало б
тебя.
О безумье! сама я лодки чинила худые,
Чтобы на крепких судах мог от меня ты
бежать;
Весла сама я дала, — на них и пустился ты в
бегство.
Ах, от своей же руки горькие раны терплю!
Веру дала я речам, рекою струившимся,

¹⁴ Дед Демофонта — Эгей, по которому названо Эгейское море

¹⁵ Разумеется мать — Церера, искони почитаемая в Аттике.

ЛЖИВЫМ,

Веру я роду дала и родовым божествам,
Веру дала я слезам; и в них, знать,

притворство возможно,

Есть искусство и в них: только вели —
побегут.

Веру дала и богам; но надо ли столько
залогов?

С малою долей их мог бы ты мной завладеть.

Горе не в том, что тебе дала я жилище и
пристань:

Только б остались они крайней услугой моей!

Стыд, что пристанище я венчала супружеским
ложем,

Стыд и позор, что свое тело тебе предала.

О, перед этою ночь, когда бы была и
последней

Ночью моею, и в гроб чистой Филлида легла!

Но понадеялась я, затем что тебе послужила,
—

Ведь по заслугам всегда вправе надеяться мы.
Много ли подвига в том — обмануть доверие
девы!

Нет, не таких простота стоила наша наград.
Так, обманули твои влюбленную женщину
речи, —

Боги, да будет твоих подвигов это венцом!

Пусть изваянье твое поставят в Эгейской

столице,

А пред тобою отец встанет во славе своей:

С ним пораженный Скирон и грозного гибель

Прокруста¹⁶

Встанет, и Синий,¹⁷ и тот злой полумуж —
полубык,

И покорение Фив, и павшие в битве Кентавры,

И зазвучавший пред ним чёрного бога¹⁸

чертог.

После ж того на твоём отметят пускай

изваянье:

«Вот обманувший своей казнью любовницу
гость».

¹⁶ Скирон — морской разбойник, грабивший между Мегарой и Аттикой (Метаморфозы VII 444). О другом легендарном грабителе, Прокрусте, вошедшем в поговорку о «Прокрустовом ложе», ср. там-же ст. Будущие темы «Метаморфоз», вообще, часто попадают уже в молодых произведениях поэта.

¹⁷ Синий или Синис — по самому имени (родственно с бича) — олицетворение пагубы, разбоя, по преданию, разбойник больших дорог на Коринфском перешейке; убит Тезеем, — этим Георгием Победоносцем греческой старины. Дальше намек на известного Минотавра.

¹⁸ Черный бог — бог ада, преисподней.

Знать, из бесчисленных дел и подвигов
громких отцовских

Лишь о покинутой ты критянке¹⁹ рад
поминать.

В чем он повинен одном, одно тебя
восхитило;

Верно наследуешь ты козни отцовской,
злодей.

Та, — не завидую ей, — наслаждается
лучшим супругом²⁰

И на покорных хребтах тигров высоко сидит;
Нашего ж брака бегут презренные мною
Фракийцы,

Ибо чужого своим я предпочла жениха.

Скажет иной: «Пусть теперь в ученые едет
Афины;

Бранною Фракией царь будет другой
управлять,

Дело венчает конец». О, пусть не знает удачи,

Кто по исходу дела самые хочет судить.

Если же наша волна твоею запенится греблей,

¹⁹ Покинутая Тезеем критянка — Ариадна, которой ниже посвящено отдельное стихотворение.

²⁰ Покинутая Тезеем, Ариадна сделалась супругой бога — Бахуса.

Вот позабочусь, когда я о себе и своих.

Ах, не заботилась я, тебя мое царство не
манит,

И не Бистонской²¹ волной тело омоешь свое.

Все отъезжавшего тот очам мерещится образ,

Как отплывающий флот наши теснил берега.

Смел ты меня обнимать и, к шее прильнувши
подруги,

Долго и жадно к моим губы свои прижимать,

И с моими слезами сливаться слезами твоими,

Плача, что вот паруса ветер попутный влечет,

И, расставаясь со мной, последнее вымолвить
слово:

«С факелом брачным ты жди Демофоонта
назад»!

Ждать ли? Но ты отъезжал, чтоб больше назад
не вернуться!

Ждать? Но твоих парусов нашим не видеть
волнам!

Все же, однако я жду. Вернись, хоть и поздно,
к подруге,

Временем только пускай верность твоя
погрешит.

Боги! чего я прошу? Быть может, другая

²¹ Бистоны — одно из Фракийских племен; здесь, как часто у поэтов, часть вместо целого.

супруга

Милого держит и к нам неблагосклонная
страсть;

Я уж забыта тобой, никакой не знаешь

Филлиды,

Горе, коль спросишь меня, что за Филлида,
отколь?

Демофоонт, это та, которая после блужданий
Долгих открыла тебе Фракии порт и приют,
И приложила свое к твоему богатству, и много
Бедному денег дала, много сбиралася дать;
Та, что тебе предала широкое царство

Ликурга,²²

Именем женским едва руководимый народ,
Где ледяная Родопа бежит под Гемом

тенистым,

Й, пробираясь меж гор, льется божественный
Гебр;

Та, что девство тебе предала при птицах
зловещих,²³

Пояс невинный руке лживой дозволив
сорвать.

²² Ликург — баснословный царь Фракии.

²³ Смотря по направлению полета, появление птиц считалось или благоприятным, или зловещим.

Свахой над ложем моим Тизифона²⁴ мрачная
была,
Птиц сиротливых вокруг песня лилась не к
добру;
Там и Аллекто²⁵ была, — короткие змеи на
шее,
И погребальный мерцал в факелах зыблемых
свет.
Скорбная все по скалам, по темным блуждаю
вершинам,
И перед взором моим берег далеко лежит.
Свет ли дневной откроет всю даль, холодные
ль светят
Звезды, хочу различить, что это в море за
вихрь.
И едва вдалеке подплывающий парус замечу,

²⁴ Тизифона — одна из фурий, мстящая за убийство. Как образ, повторяется и у новых поэтов, например, в «Музе» Фета (1887 г.):

Ты хочешь проклинать, рыдая и стена,
Бичей подыскивать к закону?
Поэт, остановись: не призывай меня, —
Зови из бездны Тизифону!

²⁵ Аллекто — имя другой фурии.

Думаю — это ко мне добрые боги ведут.
Быстро на берег бегу, едва над водой
удержуся,
Первые волны куда зыбкое море несет.
Ближе и ближе бегут, трудней и трудней мне
держаться;
Вся помертвевши, рабам на руки падаю я.
Есть там заливчик, слегка изогнутый узкой
лукою,
Грудой обрывистой в нем крайние скалы
торчат.
Вот откуда в волну хотела низвергнуться
телом
Я, и опять захочу, если не бросишь ты лгать.
Навзничь меня принесут к твоим побережиям
волны,
Непогребенная вновь взорам предстану твоим.
Пусть ты жестокостью сталь превзошел, и
себя, и железо,
Все же промолвишь: «Не так встретиться надо
бы нам».
Часто жажду к ядам я чувствую, часто
кровавой
Смертью хочу умереть, грудь поразивши
мечом,
Или шею за то, что рук отдавалась неверных
Тесным объятьям, хочу в тесную петлю
вложить.

Ранним концом искупить я чести должна
поруганье,
Долго ли медлить еще в выборе смерти моей?
И на могиле моей тебя, ненавистный,
напишут,
В этих, в подобных ли им будешь ты назван
словах:
«Демофоонт погубил Филлиду, любившую
гостя;
Смерти причиною он, казнь совершила сама».

III Бризеида

Это посланье в тебе от пленной летит
Бризеиды;²⁶
Варварской трудно руке с греческим ладить
письмом.
Пятна заметишь порой, — их горькие сделали
слезы,
Только и в этих слезах есть убедительность

²⁶ Бризеида — пленница Ахилла, одна из пассивных участниц в распре между ним и Агамемноном, в начале «Илиады».

слов.

Если немного винить тебя, господина и мужа,
Можно, немного виню, муж и владыка, тебя.
Не потому, что сейчас по царскому выдали

слову

Деву, виновен Ахилл, хоть виноват он и в том.

Так как, едва Еврибат с Талтибием²⁷ вызвали
деву,

Вмиг Еврибату сдана вместе с Талтибием я.

Друг на друга они украдкою взоры бросали,

Точно хотели спросить: — где ж это наша
любовь?

Мог ты меня задержать; была бы отрадой
отсрочка.

Ах, расставалась с тобой я без лобзаний,

Ахилл.

Слезы одни без конца точила и кудри рвала я,

Грустной казалось мне — снова ведут нас в
полон.

Сколько рвалася я раз обмануть сторожей и
вернуться,

Только несмелую враг мог бы сейчас захватит.

Если пройти далеко — боялась я: ночью
захватят,

²⁷ Еврибат и Талтибий — вестники Агамемнона в «Илиаде».

И для Приамовых я стану невесток рабой.
Вынужден выдать ты был; но сколько ночей
мы в разлуке,
Ты ж и не требуешь нас, и хладнокровен твой
гнев.

Даже Менетия сын,²⁸ пока меня брали,
тихонько
«Полно же плакать! — сказал — скоро ты
будешь назад».

Терпишь ты — мало того: ты бьешься, чтоб
нас не вернули;
Бейся жь, Ахилл, и зовись нежным
любовником ты.

Сын Теламона²⁹ к тебе с Аминтора сыном
явился,
Этот — твой кровный родной, верный
сопутник другой,
И Лаертид Одиссей, с которым и я
возвращалась;
Льстивыми просьбами блеск сопровождался
даров:
Двадцать желтых как жар, из меди

²⁸ Сын Менетия — Патрокл, ближайший друг Ахилла.

²⁹ Сын Теламона — Аякс. Аминтор — отец Феникса, сопровождавшего Ахиллу на Троянскую войну.

роскошной, кувшинов

И треножников семь, равного веса с красой;
К ним-приложили тебе и золота десять

талантов,

И побеждавших в бою вечно двенадцать
коней;

И превосходней всего, — прекрасные девы
Лесбоса,

Из разоренных палат взятые в рабство тела;
С ними, в супруги тебе, — как будто в жене
ты нуждался,

Из Атридовых трех дева на выбор одна.

Ты ли дары принимал, которые дать
надлежало б,

Если б ценою даров нас выкупать от царя?

Чем заслужила, скажи, Бризеида такого
презренья?

Легкое сердце, куда ты отлетело от нас?

Или несчастных гнетет упорно печальная
доля,

И веселей моего детства не знать мне часов?

Марсом разбиты твоим Лирнесские³⁰ зрела я
стены,

Родины милой моей долей великой была;

Видела сверстников трех равно и в рожденьи,

³⁰ Лирнес — город в Мизии, родина Бризеиды.

и в смерти,

Падавших вместе, — троих мать и моею была;
Видела, как умирал, упав на кровавую землю,
Грудь разбивая свою окровавленную, муж.
Видишь, за сколько потерь в тебе я нашла

воздаянье:

Ты господином моим, мужем и братом мне
был.

Матери ты божеством мне клялся своей
многоводной,³¹

И говорил, что одно счастье деве полон...

В том ли счастье, что нас отвергаешь, даже с
приданым,

И со мной заодно, наших сокровищ бежишь?

Мало того: говорят, чуть завтра заря
засверкает,

Нотам туманным отдать хочешь свои паруса.

Только тревожных ушей несчастной коснулся
тот ужас,

Разом дыханье и кровь грудь покидали мою.

Ты ль отплывешь, на кого ж меня ты,
безжалостный, бросишь?

Кто же, в разлуке с тобой, будет отрадой
душе?

Раньше пускай поглотит земли нас нежданная

³¹ Мать Ахилла — Фетида, богиня моря.

бездна,

Или горячим огнем молнии бог опалит,

Чем под Фтиотским³² веслом без нас

заседеются воды,

И за твоим кораблем стану тоскливо следить.

Если ж угоден тебе возврат и родные пенаты,

Разве твоим кораблям слишком великий я

груз?

Пленницу ты повезешь, победитель, не

суженый деву:

В пряже руно размягчать эта сумеет рука.

Между Ахейских матрон красавица всех

лучезарней

В опочивальню твою будет жена восходить,

Свекру — достойная дочь, Эгины с Юпитером

внуку;³³

Древний Нерей,³⁴ и тебе внука желанная в

ней.

³² Фтия — родной город Ахилла, в стране Мирмидонов.

³³ Генеалогия Ахилла: одна из двадцати дочерей речного бога Азопа, Эгина, похищена Зевсом и родит от него Эака, отца Пелея и деда Ахилла.

³⁴ Нерей — «водяной дед» Илиады I 538; как отец Фетиды, дед Ахилла с материнской стороны.

Я же, покорной рабой склоняясь над заданной
пряжей,
Веретенном отбавлять стану от полных корзин.
Лишь не теснила б меня твоя молодая
супруга,
Лишь бы неправую к нам только она не была,
Лишь не позволил бы ты волос моих рвать
пред тобою,
Но потихоньку шепни: «Нашей и эта была».
Или ж и то допусти; но только в презренье не
брось нас;
Эта тревога мою мучает горькую грудь.
Что же ты медлишь еще? Агамемнон покаялся
в гневе,
Видишь — у ног у твоих Греция скорбно
лежит.
Гнев победы и сердце свое, ты, всего
победитель!
Полно Данаев войска зоркому Гектору гнать.
Меч подыми, Эакид, но раньше меня
воротивши,
И пораженных тесни, волею Марса, врагов.
Ради меня поднялась, пусть мною и кончится
злоба;
Будь и причиной твоей горести я, и концом!
И не почти за позор склониться на женские
просьбы:
К битве мольбою жены был обращен и

Слышала я, и тебе известно, как братьев
лишившись,

Сына надежду и жизнь мать обрекла
божеству.

35 Энид — сын Энея, Мелеагр. Когда он был мальчиком, богини судьбы, Мэры, предсказали его матери, что он умрет лишь в том случае, если сгорит головня, плававшая в это время на очаге. Мать Мелеагра, Алфея, взяла и спрятала эту головню. Когда Мелеагр вырос, отец его, принося жертвы, забыл одну Артемиду. В возмездие богиня послала чудовищного вепря опустошить страну. На охоту за чудовищем собралось много героев, в том числе и Мелеагр, и братья Алфеи, и героиня Аталанта. Первую рану нанесла зверю Аталанта, последнюю и смертельную — Мелеагр. Шкуру вепря, трофеей победы, Мелеагр отдал Аталанте. Но братья Алфеи нашли это несправедливым и отняли трофеей у Аталанты. Тогда Мелеагр в гневе убил своих дядей и этим сам подписал себе смертный приговор: в скорби по погибшим братьям, Алфея сожгла головню, от которой зависела жизнь Мелеагра, и последний вдруг умер. «Другие, — добавляет библиотека Аполлодора, откуда заимствуется этот рассказ: — «другие говорят, что Мелеагр умер не так, но, когда братья Алфеи поспорили из — за добычи, опираясь на то, что зверя первый поразил один из них, началась из-за этого война. Когда затем Мелеагр вышел в поле и убил нескольких братьев Алфеи, та прокляла его, а он в гневе остался дома. И когда враги приближались уже к стенам, Мелеагр насилу-то вышел в поле по просьбам жены, и убив остальных братьев Алфеи, умер с оружием в руках».

Встали войною, но тот, далеко от бранного
строя,
Родине гордой душой все отрекался помочь.
Мужа только жена склонила, счастливица, к
бою;
А у меня без пути робкие льются слова.
Впрочем, не гневаюсь я: себя не считаю
супругой,
Хоть призывали не раз к ложу владыки рабу.
Пленница, помню, одна меня назвала
госпожою;
«Полно, — воскликнула я: саном полон
отягчать!»
Прахом, однако клянусь супруга в
безвременном гробе,
Прахом, навеки моей бережно чтимым душой,
Трех тенями бойцов, моих обожаемых
братьев,
Славно за город родной с городом павших
родным,
Жизнью твоей и моей, которые мы сочетали,
Грозным Ахилла мечом, памятным нашей
семье,
Всем я клянусь, что со мной ни разу
Микенец³⁶ на ложе

36 Микенец — микенский царь Агамемнон, главнокомандующий соединенными греческими войсками под

Не восходил; а солгу — так без пощады
покинь!

Если-ж тебя попросить: «Герой мой, и ты
покланися,

Что без меня не видал неги?» — ответишь ли:
нет?

Думают, — плачет Ахилл; а лиры звенят у
Ахилла,

И на горячей груди нежной подруги лежит.

Спросит иной: отчего ж в сражение выйти не
хочешь?

Битва противна, — милей лира и ночь и
любовь!

Знать, безопасней лежать на ложе в объятиях
девы

И на Фракийских струнах тихой рукою
бряцать,

Чем руками щиты и копья с концом,
заостренным

И на помятых кудрях тяжкий шелом
подымать.

Не безопасный досель, — блистательный
подвиг любил ты,

И добытая в бою сладостна слава была.

Или, пока лишь меня пленял, ты войной

упивался,

Или с отчизной моей слава упала твоя?

Боги, не верю: пускай, могучей рукой
потрясенный,

Дротик Пелида скорей Гектору сердце
пронзит!

Мне бы, Данаи, пойти: уж я б умолила
Ахилла,

Пересыпая свои речи лобзаний дождем.

Лучше-бы Феникса я, речистого лучше-б

Улисса,

Тевкрова брата³⁷ сильней — верите ль! дело
вела.

Что-нибудь значит — обвить руками
знакомыми шею

И перед взором очей грудью знакомой
блеснуть.

Пусть и безжалостен ты, и вод холодней
материнских,

Даже безмолвно мои слезы героя смягчат.

Пусть же Пелею отцу исполнятся долгие
годы,

Пусть за тобой по следам в битвы вступает и

³⁷ Тевкров брат — Аякс, сын Теламона, самый могучий из греческих героев, осаждавших Троию.

Пирр,³⁸

Только попомни, Пелид, Бризеиду, томимую горем,

И промедленьем не жги долгим печальной души.

Если ж сменилась любовь в тебе отвращением горьким,

Если велишь без тебя жить, повели умереть.

Да заставишь и так: и тело, и краска пропали,

Только надеждой одной слабо дышу на тебя.

Если погибнет и та, пойду к супругу и братьям...

Это ли доблесть твоя, сильный, жену добивать?

И для чего чрез других? — мечом порази обнаженным.

Хватит и крови, чтоб течь из пораженной груди.

Тем же мечом порази, который, когда б попустила³⁹

Только богиня, пронзил сердце б Атриду царю.

38 Пирр — сын Ахилла.

39 Известна сцена Илиады, где только Афина своим появлением мешает Ахиллу поднять меч против Агамемнона.

Ах, но не лучше ль спасти нам жизнь,
подаренную раньше?

Дал победитель врагу, — дай и подруге
сейчас!

Вышлет Нептунов Пергам⁴⁰ других, и с
прекраснейшей славой

Их ты побьешь; у врагов жертв к избиению
ищи!

Мне же, собираешься ль ты корабль свой
направить гребцами,

Иль остаешься, вели царскою властью прийти.

IV Федра

Это спасенье, с каким сама без тебя я
расстанусь,

Сын Амазонки, тебе Критская женщина шлет.

Все до конца прочитай. Послания ли губительно
чтенье?

Да и тебе по душе что-нибудь встретится в

⁴⁰ Пергам (тоже, что Троя) называется Нептуновым, потому что, вместе с другим богом, Аполлоном, Нептун участвовал в построении города.

нем.

Тайны в знаках таких несутся по суше и
морю;

Примет и враг от врага и прочитает письмо.

Трижды пыталась с тобой говорить я, трижды
бессильно

Речь обрывалась моя с первого звука в устах.

Надо, где должно и след, к любви примешать
и стыдливость;

Что постыдилась сказать, вверит писанью
любовь.

И пренебречь нелегко велением каждым

Амура:

Царствует он и богов вышних ведет за собой.

Медлившей прежде писать сказал он: «Пиши,
не страшися:

Руки жестокий предаст, как побежденный,
тебе».

Пусть же сойдет и, мои опаляющий пламенем
алчным

Мысли, к желаньям моим сердце преклонит
твое.

Верь, не в бесстыдстве души свой брачный
союз я нарушу:

Слава, — хоть всех допроси, — наша не знает
пятна.

Тем тяжелее любовь, чем позже; горит мое
сердце,

Сердце горит, и в груди тайная рана болит.
Также, как бык молодой ярмом гнушается
первым,
Как не потерпит узды взятый из стад жеребец,
Так непривычная грудь терзается первой
любовью,
И не под силу душе тяжкое бремя нести.
Станет искусством порок, испытанный с
нежного детства,
Но тяжелее любовь чувствуем в поздние дни.
В жертву досталась тебе моя соблюденная
слава:
Поровну каждый из нас станет виновен
теперь.
Есть наслажденье собрать плоды с
переполненных веток,
Или же тонким перстом первую розу сорвать.
Если же ту чистоту, которую я сохранила
Светлой, теперь суждено чуждым грехом
запятнать,
Радостно все ж сознавать, что страстью
пылаю достойной:
Самой вины тяжелей гадкий любовник жене.
Если Юнона бы нам уступала супруга и брата.
Знай, Гипполит предпочтен был бы Юпитеру
мною.
Даже, — поверишь ли мне? — ко нравам
склоняюсь чуждым,

И уж на дикого нам зверя охота пойти.
Первая Федре теперь богиня — с изогнутым
луком
Делия: вкусам твоим рабски последую я.
Любо бродить по лесам и, в сеть загоняя
оленя,
По неприступным хребтам псов быстроногих
травить,
Или дрожащим копьём в руке потрясать
напряженной,
Иль на зеленой траве тело слагать на покой;
Любо стократ повернуть летучей сквозь пыль
колесницей,
Строгой собирая уздой быстрых уста бегунов.
Как Элелеиды⁴¹ я, томимые бешенством
Вакха,
Буйствую, как под холмом бьющие Иды⁴² в
тимпан,
Или жены, Дриад и Фавнов двурогих
святыней⁴³

41 Элелеиды — одно из прозвищ Вакханок, от праздничного клика.

42 На холмах фригийской Иды совершались тайные служения богине Кибеле.

43 Дриады — нимфы леса. Фавны — божества —

Воспламенённые, их потрясены божеством.
Все мне расскажут потом, когда отпустит
безумье,
И молчаливо меня мучит сознание греха.
Может быть, страстью своей мы платим
семейному року,
И Венера со всех дани собирает в семье.
Первый Европу⁴⁴ Кронид, — то нашего рода
начало, —
Страстно любил, и в быка преобразается бог.
Мать Пазифая потом, отдавшись ложному
зверю,
В чреве своем понесла бремя преступной
любви.
И коварный Эгид,⁴⁵ путеводной последую
нити,
Из лабиринта бежал с помощью нашей
сестры.⁴⁶

покровители леса и стада.

⁴⁴ Европа, финикийская царевна, похищенная влюбленным в нее Зевсом под видом быка, была матерью Миноса, отца Феды.

⁴⁵ Эгид — сын Эгея, Тезей.

⁴⁶ Нашей сестры — т. е. Ариадны.

Вот уж и я, чтоб меня чужой не считали
Миносу,
Общим законам семьи жертвой последней
паду.

Рок же судил, чтоб двоим одно полюбилось
семейство:

Я полюбила тебя, как Ариадна — отца.
Двух обольстили сестер Тезей и потомок
Тезея,
Два вы трофея должны ставить от нашей
семьи.

В дни, когда ликовал Елевзин, принимая
Цереру,
Лучше бы в Кноссе родном Федре тогда
пребывать:

Тут особенно ты мне полюбился, — любила и
раньше,
И до мозга костей острою страстью проник.
В белой одежде ты был, увенчаны кудри
цветами,
На золотистых щеках алая краска стыда.
Это лицо назовут другие суровым и грубым,

—
Нет, не суровость, — одну силу в нем Федре
нашла.

Прочь уходите от нас, о юноши в женских

уборах,

Лучше к мужскому лицу скромный подходит
наряд.

Эта суровость твоя, кудрей безыскусственных
груда,

Даже и легкая пыль — прелесть на чудном
лице.

Дикого ль ты жеребца непокорную шею
склоняешь,

Легким изгибом ноги долго люблюся я;

Тонкое-ль мощной рукой вращаешь копье
боевое,

Так и впивается взор в дикую крепость руки;

Или рогатину ты с широкою двигаешь сталью,

—

Что ты ни делаешь, все нашим отрада очам!

Только суровость оставь лесам и скалистым
ущельям.

Гибнуть достойна ли я ради тебя, Гипполит?

Разве ж отрада в трудах упражняться чистой

Дианы,

А у Венеры ее вырвать законную дань?

Долго не терпит ничто, лишенное долго
покоя,

Он в утомленную грудь новую силу воляет.

Лук, — и в доспехе своей Диане ты следовать
должен, —

Вечно натянутый лук скоро ослабнет в конец.

Славен в лесах был Кефал,⁴⁷ и много от
мощных ударов
Падало диких зверей перед охотником в прах;
Но предавался герой добровольно
влюбленной Авроре;⁴⁸
Мудрая сходит к нему, старец покинут супруг.
Часто под сенью дубов Венере и сыну
Киниры⁴⁹
Брачное ложе двоим стлала любая трава.
Так и Энид⁵⁰ запылал к Аталанте
Мэнальской, залогом
Страсти полег перед ней содранной шкурою
вепрь.
Ныне впервые и мы в толпе замешаемся этой;
Если Венеру забыть, жалок и беден твой лес.
Я за тобою пойду, меня не встревожат глухие

⁴⁷ Кефал — сын факирского царя Дейона, похищенный влюбленной в него богиней Зари.

⁴⁸ По Гомеровскому гимну, Заря вымолила вечную жизнь своему мужу, Тифону, но забыла выпросить для него у Зевса и вечную молодость.

⁴⁹ Кинира — отец красавца Адониса.

⁵⁰ Энид — Мелеагр. Ср. примеч. к ИГ 92.

Скалы, меня не спугнет вепря направленный
клык.

Двух океанов валы враждя под Истм
подступают,
Узкой полоске земли оба те моря звучат.
Там с тобой в Трезен поселюсь, Питтеево
царство,⁵¹

Уж и теперь он милей родины Федры душе.
Временем нет, и подолгу не будет Нептунова
сына,⁵²

И Пирифоя⁵³ уста нежные держат его;
И предпочтен уж царем, — зачем отречься
от правды? —

Федре жене Пирифой, и Пирифой же тебе.
Да и не этим одним наносит он нам
оскорбленье,
В более важных делах оба поруганы мы.

⁵¹ Трезен — древний город Арго лиды, у Саронического залива, теперь в развалинах у деревушки Дамала. Питтей — дед Тезея.

⁵² По одному преданию, Эгей был только названным отцом Тезея, а фактически отцом его был Нептун.

⁵³ Пирифой — царевич Лапифов, друг Тезея — в античном смысле этого слова.

Брату разбив моему тяжелой дубиною
кости,⁵⁴

Кинул он наземь; сестру бросил в добычу
зверям.

Первой в сраженьи была среди боевых
амазонок⁵⁵

Та, что тебя родила, сына достойная мать.

Где же, ты спросишь, она? Мечом убита

Тезея,⁵⁶

Даже залогом таким мать не спаслась от беды.

И не женою была, ей брачный не теплился
факел...

А для чего? Чтоб царем сын незаконный не
стал.

Братьев прибавил тебе от меня, но рождения
всех их

⁵⁴ Во время бегства Тезея с Ариадной с Крита, убит был им, чтобы отвлечь преследование, брат Ариадны и Федры.

⁵⁵ Мать Гипполита — Гипнолита же (или Антиопа), царица амазонок.

⁵⁶ По рассказу Аполлодора, — когда Тезей захотел взять вторую жену, Федру, первая его жена, амазонка, хотела оружием отстоять свои супружеские права и отомстить мужу за вероломство. Но в бою она пала, — некоторые говорят, от руки самого Тезея (epit. Vatic. I 17).

Сам был причиной Тезей, верь мне, нее,
Гипполит.

О, когда бы тебе зловредные, чудный
красавец,
В самое время родов дети погибли мои!
Что же, теперь уважай родителя нежного
ложе,
Хоть избегает тебя и отрекается вьявь!
Пасынок, к мачехе ты не бойся подняться на
ложе,
Не устрашай-же души страхом названий
пустых!

Святость старинная та, — нет места ей в
будущем веке,

В сельской державе⁵⁷ ее только Сатурн
наблюдал.

Вышний Юпитер святым наслаждение каждое
сделал;

Взявши сестру за себя, все разрешил он и нам.
Крепкою цепью лишь то родство людей
сочетает,

Коему узы сама мать Венера сплела.

Трудно ли так? Лишь страсть затаи и молися
Венере, —

⁵⁷ В баснословные времена Италия, по преданию, была мирным земледельческим государством бога и царя Сатурна.

Каждый проступок прикрыть именем можно
родства.

Пусть и заметят меж нас объятья — обоих
похвалят,

Скажут: хоть мачеха, все пасынку сердцем
близка.

Ведь не во мраке тебе отмывать у сурового
мужа

Двери, или в обман зоркого стража вводить.

Как мы жили в одном жилище, и будем мы
жить так,

Явно меня целовал, явно целуй и теперь.

И безопасно со мной ты славу заслужишь
виною,

Пусть хоть на ложе моем даже заметят тебя.

Только сомненья оставь, союз заключи
поскорее!

Бог, беспощадный ко мне, милостив будет к
тебе.

Низостью я не почту тебя умолять с
унижением.

Боги, где ныне моя гордость и важная речь!

Долго надеялась я бороться, вине не
поддаться...

Разве ж надежное что в страсти томительной
есть?

Я покоряюсь, молю, к коленам твоим
простираю

Царские руки. Ничто сердцу влюбленному
стыд!

Я обесстыдела, стыд бежит, покидая знамена.
Сжался над слабой душой! строгое сердце
смири!

Пусть и Минос у меня родитель, морей
повелитель,
Пусть у прадеда жар молний сверкает в руке,
И, осеняя чело лучами острыми света,
Дед на багряной оси теплое утро ведет...
Знатность ничто при любви. О, сжался над
предками теми,

Если не жалко меня, предков моих пожалей!
Крит мне в приданое дан, любимый
Юпитером остров,

Целое царство тебе я передам, Гипполит.
Гордое сердце смири! Могла же смирить
Пазифая

Даже быка, неужель будешь свирепей быка?
Ради Венеры, молю, пожалей: Венера терзает.
Пусть не полюбишь такой, кто бы тобой
пренебрег,

Пусть в ущельях тебе незримых поможет
богиня,
Лес же высокий на казнь выгонит встречу
зверей,

Пусть Сатиры тебе игорные Папы помогут,
И под ударом копья падает раненый вепрь;

Пусть и нимфы пошлют, хоть ты, говорят,
ненавидишь

Девушек, — свежий ручей жажду твою
утолить.

Просьбы свои слезами кроплю. Молящие речи
Ты прочитаешь, мои ж слезы представь,
Гипполит!

V Энона

Что же, читай! Иль жена не велит молодая?
Читай же!

Знай, не Микенской рукой⁵⁸ писано это
письмо.

То Пегазида⁵⁹ Энона,⁶⁰ славнейшая в рощах

⁵⁸ Не микенской рукой — т. е. не рукой врага (микенский царь Агамемнон).

⁵⁹ Пегазида — речная нимфа.

⁶⁰ Энона — фригийская нимфа, дочь речного бога, соблазненная Троянским царевичем Парисом и вероломно брошенная им. Предание о ней не часто повторяется у классических писателей.

Фригийских,

Жалобы шлет на тебя, друг, за обиду твою.

Воля кого из богов помехою нашим обетам,

Или какая вина быть мне мешает твоей?

Скромно должны мы нести заслуженно
выпавший жребий,

Но с незаслуженной нам горько мириться
бедой.

Не был великим Парис, когда насладились с
тобою

Браком я, нимфа, рекой славной рожденная в
свет.

Сын Приамов теперь, — пусть правде уступит
почтенье, —

Был ты рабом, и с рабом нимфа вступила я в
брак.⁶¹

Между стадами не раз мы покоились в
сумраке рощи,

И вперемежку с листвою ложе стлала нам
трава.

Часто, когда на траве, в соломе мы спали
глубокой,

Нас от холодной росы жалкий шалаш

⁶¹ Рождению Париса предшествовали зловещие сны; потому он был брошен на Иде и воспитан пастухами.

сохранял.

Кто ж ущелья тебе показывал полные дичи,
Или пещеру, где зверь дикий детенышей
клат?

Часто тетета с тобой сквозные я ставила
птице,
Часто по долгим хребтам псов быстроногих
гнала.

Врезано имя мое тобой и поныне на буках,
Где Энону ножом резко Парис начертил;
И поскольку стволы, постольку растет мое
имя.

О, вырастайте, мои надписи, стройной семьей!
И на речном берегу посеянный тополь,
красуйся,

И на щелистой коре надпись такую носи:
«Если Парис решится дышать в разлуке с
Эноной,
Ксанфа волна потечет вспять на верховья
свои».

Ксанф,⁶² воротися назад! бегите, обратные
волны!

Бросил Энону свою и не тоскует Парис!
Тот мне день предсказал судьбу несчастной,
оттоле

⁶² Ксанф — река в области Трои.

Злая сменила зима светлое счастье любви,
Как Венера с Юноной и, скинув доспехи,
нагая
Встала Минерва на суд перед тобою, Парис.
Ах, задрожала душа пораженная, трепет
холодный⁶³
В твёрдые кости проник, как ты рассказывал
мне!
Я совещалась, — затем, что страшно
боялась, — старухи
Дряхлые и старики — все порешили: к беде!
Срублена ель, и сбиты ладьи, и флот
изготовлен,
Путь навощенным судам, в синие волны
открыт.
Ты, расставаясь, рыдал, — посмей от рыданий
отречься!
Чувства былого — любовь эта позорней твоя.
Плакал и наши глаза ты полные видел
слезами,
Грустно мы оба тогда слезы смешали свои.
Так не вьется лоза винограда по твердому
вязу,

⁶³ В награду за первенство красоты, присужденное Парисом Венере, богиня обещала ему в жены спартанскую царицу Елену.

Как у меня на груди руки Париса сплелись.
Сколько ты раз начинал пенять на ветер
враждебный,
И улыбался моряк: ветер попутный шумел.
Сколько раз повторял лобзанья, со мной
расставаясь,
Как собрался едва с силами молвить
«прости!»
Ветер слегка паруса, на твердой поникшие
мачте,
Трогает; взрыта веслом пена седая воды.
Горько я взором слежу вдали убегаящий
парус,
Сколько могу, и песок влагою слез орошен.
Чтоб ты вернулся скорей, молю Нереид я
зеленых.
Чтобы вернулся скорей — мне же на горькую
скорбь!
Ты, по молитвам моим, с другою, коварный,
вернулся!
Горе, за низкую тварь я возносила мольбы!
В неизмеримую глубь взирает природная
глыба,
Горною грудью морским противопоставши
валам;
Тут твоего корабля я первый заметила парус,
И загорелась душа — прямо бежать по воде.
Медлю, а там засверкал на верхней палубе

пурпур.

Страшно мне стало: не тот был у Париса
наряд.

Ближе подходит, земли по ветру касается
судно,

С трепетным сердцем лицо женское я
признаю.

И недовольно того, чего ждала я в безумьи? —

Ах, на груди у тебя нежилась мерзкая тварь!

Тут я терзала покров и грудь поражала
руками,

Влажные щеки себе ногтем жестоким рвала,

И мой жалобный вой наполнил священную

Иду,

И на родную скалу слезы снесла я свои.

Так пусть скорбит и она, и плачет в разлуке с
супругом,

Мне причиненное зло вынесет пусть и сама.

Ныне тебе по душе, кто в море открытое
мчится

Вслед за тобою, своих кто покидает мужей.

А как беден ты был и в поле бродил за
стадами,

Только Энона из всех стала женой бедняку.

Я не богатства хочу, дворец не манит меня
царский,

И не хочу из толпы стать я невесток одной.

Но Приам бы не мог отказаться мне сделаться

тестем,

И для Гекубы не я низкой невесткой была б.

Стою и жажду я быть супругой могучего

мужа:

Как бы к Эноны рукам царственный скипетр
пристал.

Нас оттого ль, что с тобой под дубом простым
я лежала,

Презришь? — но больше к лицу ложе
багряное мне.

И наконец для тебя моя любовь безопасна, —

Войн не готовлю я вам, мстящих судов не

веду.

А Тиндариду⁶⁴ беглянку в бою враждебном
отнимут;

Этим приданым гордясь, в спальню приходит
твою.

Надо ль Данаям ее вернуть, ты Гектора брата,

Ты Деифоба, а то Полидаманта⁶⁵ спроси.

Мудрый чему Антенор,⁶⁶ чему Приам сам

64 Тиндариду — Елену, по отцу Тиндарею.

65 Деифоб, Полидамант — известные из «Илиады» имена братьев Париса.

66 Антенор, знатный троянец, советовал помириться с греками и выдать им виновницу войны, Елену.

научит,

Ты допытайся: для них старость наукой была.

Разве не низкий залог — предпочесть
беглянку отчизне?

Дело позорно твое; прав, ополчаяся, муж.

Если б разумней ты был, как верить в

Лаконскую верность,

Раз уж в объятья твои скоро склонилась жена?

Как и меньшей из Атридов⁶⁷ о брачном
поруганном ложе

Вопит, и душу его мучит любовь пришлеца,

—

Также и ты закричишь. Никаким не поправить
искусством

Раз поврежденную честь; стоит ей раз
отлететь.

Скажешь, — пылает к тебе? Но также и мужа
любила;

Сладко ль на ложе пустом дремлет
доверчивый муж?

Счастлива верным своим Андромаха и
чистым супругом.

Я бы такой же была верной супругой тебе.

⁶⁷ Меньшой из Атридов — Менелай, царь Спарты, муж Елены.